

**Заметки о русской
грамматике.
Гетеанистическое
рассмотрение языка**

Автори книги на прикладі російської досліджують мову не як сукупність знаків, що потрібні людині для передавання інформації, а як живий організм, у кожному розділі якого (звучанні, словотворенні, граматиці тощо) проявляється душа і дух народу з їхніми особливостями, проблемами та завданнями, а також універсальні духовні закони світобудови. Тому для цього дослідження авторами було використано особливий метод — гетеаністичний підхід, за іменем його творця —Йоганна Вольфганга фон Гете, німецького поета та науковця. Автори не ставили собі за мету створити новий цілісний підручник російської граматики, вони лиш намітили шлях, слідуючи якому будь-яка людина, що цікавиться мовою, може наблизитися до мудрості, що прихована у ній та пізнати особливості народної душі. У книзі також містяться поради щодо викладання російської мови в школі.

ВАРВАРА ЧАХОТИНА, ЕЛЕНА ОГАРЕВА

ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

гетеанистическое
рассмотрение языка

Аннотация

Авторы книги на примере русского исследуют язык не как сумму знаков, требующихся человеку для передачи информации, а как живой организм, в каждой области которого (звучании, словообразовании, грамматике и т.д.) проявляются душа и дух народа с их особенностями, проблемами и задачами, а также универсальные духовные законы мироздания. Потому для этого исследования авторами был использован особенный метод — гетеанистический подход, названный по имени его родоначальника — Иоганна Вольфганга фон Гете.

Авторы не ставили перед собой цель создать новый целостный учебник русской грамматики, они лишь наметили путь, следуя которым любой интересующийся языком человек может приблизиться к заключенной в языке мудрости и познать особенности народной души. В книге также содержится ряд советов о преподавании русского языка в школе.

ISBN 978-966-8838-98-9

© В. Чахотина, Е. Огарева, 2000, 2015

© «НАИРИ», 2015

Вступление

Вашему вниманию предлагается ряд статей о русской грамматике. Это первая более или менее серьезная попытка рассмотреть законы русского языка, используя методы гетеанизма. Авторы не ставили перед собой цель охватить полностью богатейший мир русской грамматики или дать всестороннее описание тех грамматических явлений, которые были объектом их внимания. Они хотели показать направление, в котором следует двигаться вальдорфскому учителю, желающему преподавать русский язык. Авторы предлагают именно путь, а не готовый материал. Задача — стимулировать читателя. Ибо если учитель только пользуется готовым, проработанным кем-то материалом, не внося своего, если ничего не происходит у него в душе, когда он готовится к урокам, то вряд ли можно надеяться, что что-то существенное произойдет на уроке. Эти материалы должны служить импульсом для собственных изысканий.

В основном идеи этих материалов принадлежат Варваре Чахотиной — замечательной вальдорфской учительнице из Германии, уникальному специалисту с огромным опытом преподавания русского языка в немецких вальдорфских школах. Кроме того, Варвара Вениаминовна преподавала немецкую литературу и немецкий язык как родной, что немаловажно для такой работы. Второй автор данных статей — Елена Огарева — окончила российский вальдорфский семинар, в течение нескольких лет преподавала русский язык в вальдорфской школе, ею была написана одна из программ по русскому языку и литературе одной из московских вальдорфских школ и несколько методических материалов о преподавании родного

языка. Елена Огарева, которую можно считать ученицей и последовательницей Варвары Чахотиной, дополнила, развила и оформила идеи своего учителя с учетом собственного опыта.

Общий подход к исследованию языка

Что такое язык?

«В начале было Слово», «И сказал Бог: да будет свет — и стал свет». Как часто в наше время эти известные фразы вызывают протест! Почему в начале всего было именно слово, почему мир сотворен словом? Что такое вообще слово? Всего лишь знак для передачи информации — и не больше. К сожалению, это примета нашего времени — относиться к языку только как к средству коммуникации, к способу передать мысль. Уже почти забыто, что были времена, когда «солнце останавливали словом, словом разрушали города» (из стихотворения Н. Гумилева «Слово»), когда словом исцеляли, когда слово могло убить. В наше время редко кто задумывается об ответственности за сказанное слово — именно за слово, а не только за информацию, которую оно в себе содержит. А ведь слово, язык — далеко не только информация, не только знак. «Язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека»¹, — полагал известный немецкий филолог Вильгельм фон Гумбольдт. Эту мысль продолжает отец Павел Флоренский: «Дело в том, что слово, как посредник между миром внутренним и миром внешним, т.е. будучи амфибией, живущею и там и тут, устанавливает, очевидно, нити своего рода между тем и другим миром, и нити эти, какими бы они ни были малоприметными взору позитивиста, суть, однако, то, ради чего существует самое слово, или по крайней мере суть первооснова всех дальнейших функций слова. Эта первооснова, очевидно, имеет направленность двустороннюю, во-первых, от говорящего — наружу, как деятельность, вторгающаяся из

говорящего во внешний мир, а во-вторых, от внешнего мира к говорящему, внутрь его, как восприятие, получаемое говорящим. Иначе говоря, словом преобразуется жизнь, и словом же жизнь ус-вояется духу. Или, еще иначе говоря, слово магично и слово мистично»².

К сожалению, даже в среде вальдорфских учителей магичность и мистичность слова принимает во внимание далеко не каждый. Конечно, все без исключения вальдорфские учителя согласятся, что слово оказывает очень сильное воздействие на ребенка, который всем своим существом переживает и звук, и интонацию, и грамматические конструкции. Но на практике, к сожалению, мы чаще всего сталкиваемся с весьма легкомысленным к этому отношением. Почему-то считается, что человек, который умеет более или менее складно говорить и пишет без серьезных ошибок, сможет научить детей родному языку.

Именно поэтому хотелось бы еще и еще раз напомнить, что язык гораздо больше просто суммы знаков, употребляемых человеком для передачи информации. Слова, которые все чаще используются лишь в их утилитарном значении без учета их сокровенного содержания, на самом деле имеют свою собственную жизнь. Это прекрасно чувствуют поэты:

*Слово только оболочка,
Пленка, звук пустой, но в нем
Бьется розовая точка,
Странным светится огнем.*

(Арсений Тарковский, «Слово»)

Язык и характер народа

Мы бы хотели напомнить о том, что в языке, как нигде больше, проявляется народный дух, его способ восприятия мира. Это отмечали многие ученые-лингвисты. Так, Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны». Русский филолог-славист Измаил Срезневский утверждал, что «народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык один без другого представлен быть не может», а педагог Константин Ушинский считал, что «язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни».

Напомним о том, что язык бесконечно мудр и каждое явление его — в самых разных планах: и в звучании, и в грамматике, и в семантике — осмысленно, и по этим явлениям языка внимательный исследователь способен многое узнать о характере народа. Допустим, по тому, насколько часто употребляется в языке слово я и в каком соотношении находятся личные и безличные конструкции, можно судить о сознании народа. Например, в средневерхненемецком языке гораздо больше безличных конструкций, чем в современном немецком. И это, конечно, говорит о более высокой степени развития немецкого сознания по сравнению со Средневековьем. А вот в современном русском языке безличные предложения встречаются довольно часто (в исторических грамматиках не отмечается, чтобы в древнерусском языке разнообразных безличных конструкций было больше, чем в

современном, скорее наоборот). Русскому человеку справедливо может показаться смешным немецкое выражение *Ich heiße* (я называюсь). В меня зовут намного больше от реального положения вещей, ведь чаще всего по имени зовет меня кто-то другой. Но в аналогичной немецкой фразе содержится другой важный оттенок: *я могу сказать о себе...* И это очень отличается от выражения *меня зовут*, где отчетливо слышится, что с человеком что-то происходит без его активного, сознательного участия. А ведь эту фразу человек повторяет всю жизнь — и очень часто. Французы же вообще говорят: *je m'appelle* (я себя называю).

Об очень важных свойствах сознания англичан свидетельствует тот факт, что множество букв в английском языке давно уже не произносятся. А суть немецкого характера ясно выражается в таком, например, явлении немецкого языка, как рамочная конструкция предложения, заставляющая человека начинать предложение, точно зная, чем оно закончится. (С русским вольным синтаксисом этого совсем не требуется.) Многое может открыть в русском характере такое, например, удивительное для иностранцев выражение, как *мы с тобой* (а не *я и ты*, как это характерно для английского, немецкого и прочих языков).

Даже небольшие изменения в восприятии мира или жизни народа или какой-то его части отражаются в языке. Вот любопытный пример из недавнего прошлого. Все русские помнят, что несколько лет назад речь многих людей неожиданно запестрела словечком *как бы*. Это напоминало эпидемию. «Недуг» поразил чуть не каждого второго, и избавиться от дурной привычки не могли даже те, кто ее осознал. Попробуем поразмышлять, в чем же причина этого странного явления.

Началась эта «эпидемия» в перестроечные времена, когда в России, много лет пребывавшей в состоянии стабильном и неподвижном, начались бурные и стремительные перемены. Поражены «болезнью» оказались в основном люди приблизительно от двадцати до сорока лет, то есть выросшие в «эпоху застоя». По всей вероятности, для этих детей застоя жизнь активная, быстрая, полная неожиданностей и сдвигов во всех областях казалась нереальной, иллюзорной. Чаще всего это не осознавалось, тем более что «зараженные» в основном относились к изменениям положительно и с радостью участвовали в происходящем. А подсознательная ошарашенность выразилась в этом самом *как бы*, иногда придающем фразе совершенно анекдотичный вид — что-то вроде: «Ну, я *как бы* проснулся, все *как бы* хорошо, сейчас *как бы* к тебе собираюсь». И смешная эта фраза совершенно отражала суть дела: человек в таком состоянии и вправду воспринимал жизнь как некую галлюцинацию и действительно не просыпался, а как бы просыпался и собирался не к тебе, а именно как бы к тебе. Сейчас появилось новое словечко того же качества — *типа*: *типа* устал, *типа* хотел телевизор посмотреть и т.д. (См. об этих словах-паразитах в книге Максима Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва».) Многое язык может открыть человеку — даже через такие, казалось бы, простые примеры. Только подходить к его изучению следует с благоговением и доверием.

Изречение Рудольфа Штайнера о языке

Известное изречение Рудольфа Штайнера о языке поможет нам понять, каким образом можно познавать язык.

*Wer der Sprache Sinn versteht,
Dem enthüllt die Welt
Im Bilde sich;*

*Wer der Sprache Seele hort,
dem erschließt die Welt
Als Wesen sich;*

*Wer der Sprache Geist erlebt,
Den beschenkt die Welt
Mit Weisheitskraft;*

*Wer die Sprache lieben kann,
Dem verleiht sie selbst
Die eigne Macht.*

*So will ich Herz und Sinn
Nach Geist und Seele
Des Wortes wenden;*

*Und in der Liebe
Zu ihm mich selber
Erst ganz empfinden.*

*Кто смысл языка понимает,
Тому раскрывается мир
В образе;*

*Кто душу языка слышит,
Тому открывается мир
Как существо;*

*Кто дух языка переживает,
Того одаряет мир
Силой мудрости;*

*Кто способен язык любить,
Того наделяет он сам
Своею властью;*

*Поэтому хочу я сердце и разум
На дух и душу
Слова обратить,*

*И в любви
К нему себя самого
Вполне ощутить.*

Мы намеренно приводим здесь не самый художественный перевод этого изречения, а скорее подстрочник, где полностью сохранена композиция и порядок слов оригинала. Ведь и сама форма данного изречения может многое сказать внимательному читателю или исследователю языка.

Обратим внимание на порядок слов. Первые четыре строфы из шести построены одинаково: они представляют собой сложноподчиненное предложение; первая строка — придаточная часть, а вторая и третья — главная. Первая строка начинается местоимением *кто* — оно обозначает здесь человека, который в этих предложениях является действующим лицом. Далее идет *язык* — объект действий человека.

В первых трех строфах действия направлены на одну из составляющих языка: его *смысл*, *душу*, *дух*, а в четвертой — на весь язык, язык в совокупности. Четыре первых строки

заканчиваются глаголами, обозначающими действие, которое человек производит по отношению к языку (*понимает* смысл языка, *слышит* душу языка, *переживает* дух языка, способен *любить* язык).

Во второй части предложения в первых трех строфах производителем действия является мир (*раскрывается в образе, открывается как существо, одаривает силой мудрости*), а в четвертой строфе язык сам отвечает на действия человека — *наделяет человека своей властью*.

Посмотрим теперь, какие действия могут привести человека к таким серьезным дарам.

Смысл языка

Смысл слова

*Кто смысл языка понимает,
Тому раскрывается мир
В образе.*

В первой строфе мы встречаемся с самым, пожалуй, очевидным действием по отношению к языку — **пониманием** его **смысла**.

Смысл, значение — это самый первый, можно сказать, самый поверхностный план языка, но и до него надо еще добираться, докапываться. Что же такое — понимать смысл языка, смысл слова? Конечно, здесь говорится не о том, что мы обычно подразумеваем под пониманием, когда употребляем слова в их привычном, утилитарном значении — в качестве средства для передачи информации. Здесь речь идет об истинном, более глубинном смысле слова — о некоем образе, когда-то давшем начало этому слову, перелившемся, воплотившемся (услышьте здесь слово *плоть!*) в него. Теперь люди утратили способность переживать эти образы, и редко кто в слове *спасибо* слышит *спаси (тебя) Бог*, а в предлоге *ради* чувствует родство со словом *радеть — заботиться*. И произнося при расставании «*Прощай!*», мы уже не помним, что тем самым призываем другого человека простить нас перед разлукой.

Только дети, вследствие свежести взора, слуха и незамутненности, незагруженности сознания способны без труда проникать через слово в этот мир образов. Ребенок относится к слову не как к знаку для передачи информации, он

наслаждается самим словом, ищет в нем истинный, настоящий смысл.

И поэтому, услышав от мамы, что война — это когда люди убивают друг друга, ребенок очень возмущается: *«Не друг друга, а враг врага!»*³. И тем самым открывает социальные принципы русского народа, точнее, его идеалы, когда любого другого человека воспринимают как друга. Для сравнения: в немецком языке слово *andere* (другой) родственно слову *разный*, отличающийся, а в латыни слово *alius* (другой) произошло от слова *чужой*.

Это прекрасное детское наблюдение мы взяли из замечательной книги Корнея Чуковского «От двух до пяти», в которой собрано множество примеров того, как дети воспринимают язык. Вот еще несколько жемчужин оттуда:

— *Вот выпадет снег, ударят морозы...*

— *А я тогда не выйду на улицу.*

— *Почему?*

— *А чтоб меня морозы не ударили.*

— *Мама! Ты говорила, что дядя сидит у тети Анюты на шее, а он все время сидит на стуле*⁴.

Многие дети, по словам Чуковского, отвергают слово *художник*, «так как они уверены, что если начинается с “худо” — значит, это слово ругательное»⁵.

— *Почему ты говоришь: рыба клюет? Никакого клюва у ней нет*⁶.

«Ребенок бессознательно требует, — утверждает Чуковский, — чтобы... в слове был живой, осязаемый образ; а если этого нет, ребенок сам придаст непонятному слову желательные образ и смысл». Так возникают новые имена вещей — гораздо более точные, по мнению детей: *больмашина* вместо *бормашина*,

кру-жинка вместо *пружинка*, *улицционер* вместо *милиционер*, *песковатор* вместо *экскаватор* (потому что черпает песок) и т.д.⁷

И еще несколько примеров:

— Почему *ручей*? Надо бы *журчей*. Ведь он не *ру-чит*, а *журчит*...

— Почему ты говоришь: *ногти*? *Ногти* у нас на *ногах*. А *которые* на *руках* — это *рукти*...

— Почему *перочинный* нож? Надо бы *оточитель-ный*. Никакие *перья* я им не *чиню*.

— Почему *белку* зовут *белка*? Давай *перезовем* ее *рыжкой*!

— Мама, *утки утьком* идут! — *Гуськом*. — Нет, *гуси — гуськом*, а *утки — утьком*.⁸

А вот какое замечательное слово мы услышали из уст маленькой девочки. Войдя в огромный, совершенно пустой зал, где было роскошное эхо, она восхитилась: «*Какой зал отзывчивый!*».

Лексика, семантика, этимология

Кроме детей, способностью понимать язык и, соответственно, воспринимать мир в образе, обладают также поэты, имеющие обостренное чутье к слову (и к ритму языка, и к звукам — но об этом чуть позже). В поэзии слово перестает быть утилитарным знаком. Поэт, если можно так выразиться, расплавляет отвердевшую внешнюю скорлупу слова, омолаживает его (по выражению К. Паустовского) и делает гибким, живым, пластичным, более сильным, сродни тем словам, которыми в древние времена останавливали солнце и разрушали города. Именно поэтому поэзия — «это не “лучшие слова в лучшем порядке”», это высшая форма существования языка... это именно отрицание языком своей массы и законов

тяготения, это устремление языка вверх — или в сторону — к тому началу, в котором было Слово... Это движение языка в до-(над-) жанровые области, то есть в те сферы, откуда он взялся» (Иосиф Бродский, «Поэт и проза»).

Говоря об этом плане языка (он называется лексикой, семантикой), надо еще отметить, что в каждом языке за смыслом слова стоит, как правило, некий образ, который по каким-то причинам был наиболее значим в те времена, когда слово рождалось на свет. Слова, называющие одно и то же, в разных языках отражают разные точки зрения на данное понятие, показывают, что именно в нем представляется существенным тому или иному народу. Каждому этносу мир раскрывается в собственном образе. И, проникая в смысл языка, в его образный пласт, мы можем познать черты народного духа и характера.

Сравним русское слово *сомнение* и немецкое *Zwei-fel*. В немецком на первый план выходит *zwei* — два. В русском же совсем иной образ: есть одно мнение, есть другое — от этого получается *со-мнение*. Приставка *со-* здесь имеет значение объединения, как и в словах *согласие*, *соединение*, *соратники*, *сотрудничество* и т.п.

Очень интересно рассмотреть русское слово *восприятие* (в русский это слово пришло из старославянского языка) и немецкое *Wahrnehmung*. И в том и в другом присутствует глагол *принимать* (по-немецки *nehmen*), однако в русском слове его сопровождает приставка, обозначающая движение вверх, то есть для русского человека *воспринять* — это как бы поднять нечто на другой уровень. В немецком же языке этот глагол дополняет корень *wahr*, означающий *истинный*, *правдивый*, *верный*. Это много говорит о характере немецкого народа!

Любопытно, что в греческом языке одно и то же слово *καλός* обозначает одновременно и *красиво*, и *хорошо*. Их антонимы —

некрасиво и нехорошо — также обозначаются одним словом *какыд*. Сразу вспоминается культ красоты и гармонии в Древней Греции, греческие статуи, приходит на ум известное место из гомеровской «Илиады», когда прекрасная Елена, из-за которой была развязана многолетняя война, появляется на совете старейшин. Ее красота так поражает почтенных троянцев, что те готовы простить ей все лишения и потери, которые пережил их народ:

Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы

Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:

Истинно, вечным богиням она красотой подобна!

Песнь 3

Еще один пример из греческого языка: *Χόυοε*, обозначает одновременно и слово, и речь, и понятие, и мысль, и разум, и размышление.

А в английском языке такие разные — с нашей точки зрения — понятия, как *дух* и *спирт*, обозначаются одним словом *spirit*, и это очень интересно для постижения английского характера.

Бывает, что в разных языках за словом стоит единый образ. *Совесть* — в русском языке и *Gewissen* в немецком образованы от глагола с одним значением (*wissen* — знать, понимать, а *весть* — форма глагола *ведать*) с помощью приставок со сходным значением объединения. О приставке *со-* уже говорилось выше, а с помощью приставки *Ge-* в немецком образуются собирательные существительные (например, *Berg* — гора, *Gebirge* — горы), а также существительные, обозначающие совместные занятия, пребывание (*Gehilfe* — помощник, *Gefahrte* — спутник и т.п.).

Еще пример. И немецкое *Bildung*, и русское *образование* ведут свое происхождение от слова *образ* (по-немецки *Bild*). Есть нечто общее и в немецком *Erziehung* и в русском *воспитание* (в

русском оно заимствовано из старославянского): приставка *er-*, как и приставка *woc-*, обозначает движение вверх, однако в русском языке это слово произошло от глагола *питать*, а в немецком — от глагола *ziehen* — *тянуть, тащить*. Для сравнения: английское *education* и французское *el'education* образовались от латинского глагола *educere*, что означает *выводить*.

Много общего в русском и греческом языках. И это вполне понятно, ведь русская культура восприняла из греческой основные религиозно-философские категории, а вместе с ними в язык (через старославянский) пришли и слова, созданные по образцу греческих, но образованные из славянских языковых элементов (так называемые кальки).

Итак, мы рассмотрели несколько примеров, которые открывают нам образный план языка. Теперь перейдем к следующей, второй строфе.

Душа языка

За-смысловой пласт языка

*Кто душу языка слышит,
Тому открывается мир
Как существо.*

Вторая строфа ведет нас в глубины языка — в его за-смысловой, над-смысловой пласт. Именно там таится **душа языка**. И открывается она человеку через то, что он слышит, — через звуки, через интонацию. (Заметим, что в первой строфе речь идет об образах — то есть о том, что связано со зрением, пусть и внутренним; теперь же человек переходит к более глубокому восприятию — через слух.)

В наше время люди в основном не склонны обращать внимание на то, как слово звучит, мы сосредоточены на том, что оно значит. Еще в начале века в работе «Глоссолалия» Андрей Белый утверждал, что восприятие слова — чистого смысла, без переживания звуков, — это результат сложного процесса. Как точка на окружности. А современное состояние языка, когда за каждым понятием закреплено слово, Белый сравнивал с космосом, где между звездами — понятиями — словами огромные расстояния. Мир звуков, по Белому, дает возможность преодолеть эту изолированность понятий, погрузиться в нечто цельное, за-смысловое — познать всю окружность, а не только одну точку на ней. В этой за-смысловой области нет однозначности, там все живо, гибко. У каждого звука в общем есть более или менее определенное значение, но все они сплетаются, сливаются, воздействуя друг на друга. Лишь погружаясь в мир звуков, мы можем пережить слово живое,

слово в развитии, в становлении, в процессе творения, а не только результат этого процесса.

Лучше всего человек чувствует это, когда слышит совсем незнакомый язык, — тогда он не связан со значением и даже не всегда вычленяет отдельные слова. Он только слышит — звуки, их сочетания, мелодику языка. В такие моменты чуткому уху открывается душа языка.

Вот интересный пример. Как-то раз, проводя занятия по русскому языку в группе, где среди студентов были и русские, и татары, один из авторов этой книги попросил прочитать вслух сказку на татарском языке. Прослушав ее, студенты, совершенно не знающие татарского, без труда сформулировали свои переживания: мы слышим, будто лошадь скачет по степи. Так почувствовали они нечто от души языка.

Звуковой состав слова

В звуковую, ритмическую и интонационную стихию языка с рождения погружен и младенец — вначале он переживает только ее, а смысл слов открывается ему уже позже.

Взрослому же, чтобы воспринять этот пласт языка, нужно сделать над собой усилие, развить свой слух, чувство языка — лишь тогда он вновь услышит душу родного или давно известного наречия.

Среди многих теорий о происхождении языка есть теория звукоподражания. Согласно ей, главным принципом, по которому образовывались слова, изначально было подражание — подражание звуками. Очень поэтически описал этот процесс отец Павел Флоренский: «Падает в лесной тишине лист, журчит ручей, воет ветер, алмазным фонтаном рассыпается соловей... — каждый звук есть голос стихий, шепот их, вопль их, крик их

по всей Природе. Но человек по-разному отзывается на разное. И ответ его — имя вещи»⁹.

Эту мысль прекрасно иллюстрируют так называемые звукоподражательные слова, называющие предмет или живое существо в соответствии со звуками, производимыми этим предметом или существом. В русском языке к подобным словам относятся *шуршать*, *хихикать*, *хохотать*, *храпеть*, *шептать* и многие другие. Даже такие слова, как *бык* и *пчела* (первоначально *бьчела*), также являются звукоподражательными, хотя мы этого уже не слышим. Тем не менее, оба существительных образовались от глагола *бучать*, который обозначал одновременно *мычать* и *жужжать*.

Подражать можно не только звукам, производимым живыми существами или предметами. Подражать можно и внутренней сущности вещей (см. об этом, в частности, диалог Платона «Кратил»). Такое явление в языке называется звуко-символизмом. Например, замечено, что с помощью губных звуков в разных языках обычно обозначается что-то округлое, выпяченное¹⁰: *бублик*, *боб*, *губа*, *бочка* в русском; *bulla* — водяной пузырь в латыни; *Backe* — щека и *Bauch* — брюхо, живот в немецком, *baby* — младенец в английском, *ball*, *Ball* — мяч в английском и немецком и т.д. Все они — от индоевропейского корня *bhel*, обозначающего что-то выпуклое, опухшее¹¹.

Правда, сейчас, в пору зрелости языка, чаще всего трудно уловить причины, по которым предметам, явлениям, живым существам, действиям или качествам были присвоены те или иные звуковые сочетания. Лишь некоторые слова еще позволяют это услышать. Крайне любопытна с этой точки зрения уже упоминавшаяся работа Андрея Белого

«Глоссолалия». Рекомендуем всем, кто интересуется языком, познакомиться с ней.

Попробуем теперь отправиться в мир звуков — по словам Белого, уйти «к себе в рот подсмотреть мироздание речи». Послушаем слова. Вначале русские.

Змея. В звуке [з] свистящее шипение, мягкий [м] несет что-то глубинно-таинственное, древне-женское, потустороннее. (Недаром звук [м] есть и в слове *мрак*, и в слове *мертвый*; известно, что древняя языческая богиня-мать почти у всех народов изначально была связана не только с рождением, но и со смертью. Вспомним также строчки из стихотворения Максимилиана Волошина «Материнство»: «Мрак... мать... смерть... созвучное единство...»). И последние три звука — тонкое, как луч света, гибкое тело, острое быстрое движение в броске. И в целом — острое пронзительное впечатление, производимое этим существом.

Дом. Первый звук дает впечатление чего-то прочного, крепкого, а следующие за ним [о] и [м] придают слову теплоту и мягкость, нечто материнское, первобытное, защищенное.

Мышь. Почувствуем, как образуется звук [м], начинающий это слово. Губы мягко и осторожно (по сравнению, например, с [п]) соприкасаются, воздух идет через нос. Этот звук — как прикосновение внутреннего и внешнего, он несет в себе нечто вязкое, женское, потустороннее (кстати, мышь в фольклоре — представитель нижнего мира, мира мертвых). Далее идет удивительный звук [ы], неведомый европейским языкам. Образуется он очень глубоко в гортани, глубже всех остальных русских гласных. Это еще больше усиливает впечатление таинственности, древности, исконности, природности. И шипящий [ш], завершающий слово (современное, раньше оно кончалось гласным [ь]), можно назвать звукоподражательным

элементом — он воспроизводит основной мышинный шуршащий звук.

А гениальное толкование звучания слова *страсть* возьмем из «Глоссолалии» Андрея Белого:

«Соединение *[s]* и *[t]* — соединение огненных светочей с силами роста; соединение *[st]* и *[r]* — соединение растущего пламени с напряжением энергии: *[str]* есть *огненный взрыв*; соединение *[str]* и *[a]* может значить слияние, соединение огненных взрывов и боли; но согласные — внутри гласных; и *[stra]* — означает, что огненный взрыв происходит в болящей душе; соединение *[stra]* с *[st]* — есть рост пламени: означает *взрыв* пламени, *боль*, вновь *пламя*: то — *страсть*. Если б *[st]* охладнело, как *[n]*, и отчасти застыло, как *[d]* (но подвижною формою), то вместо страсти нашли бы мы слово *страдание*, *страда*; и если б *[st]* вдруг потухло, то было бы *страх*. Вот космический смысл звуков слова *страсть*, *страда*: *неодолимо развитие пламенных болей; и неизменна их форма*»¹².

Рассмотрим теперь немецкие слова.

Kopf (голова). В согласных ощущается крепость, твердость головы; в гласной — округлость ее формы. Сравните это слово с русским *голова* (где только *[z]* говорит о твердости, зато между двумя *[o]* — мы берем слово в его первоначальном звучании, а не в современном, привычном, «акающем», — выражающими впечатление от формы, присутствует плавный, мягкий, текучий *[л]*) или с английским *head* (здесь вообще нет формы, твердость выражена в последнем звуке, зато начинается слово с очень воздушного звука *[h]*, а в гласном слышится отстранение, обособление) — и вы почувствуете, как немцы в звуках выражают свое впечатление об этой крайне важной части человеческого тела.

Pflanze (растение). В первом звуке (короткое, но напряженное соприкосновение губ — недаром он называется взрывным) слышно, как лопается семя, а дальше огненный [f] выдыхается между губами и переходит во влажный [l] — плавно появляется росток, он крепнет, растет. В [a] растение раскрывается и развивается, в [n], может быть, выпускает листья, [z] — его вершина или даже цветок, а в конечном [e] заключено уже и будущее увядание.

Приведем еще одно слово из английского. Все звуки в слове *fire* (огонь) — и огненный, выдуваемый f], и открытый вначале и мягко закрывающийся в конце дифтонг [i], и вибрирующий, живущий в воздушной стихии [r] — прекрасно передают природу этой завораживающей стихии. Любопытно сравнить его с немецким *das Feuer* — очень похожим, но имеющим на месте английского [i], который произносится как [aɪ], дифтонг [eɪ], который произносится как [oɪ] — более теплый, включающий в себя [o]. Вспомним также и русское слово *огонь* — в нем целых два теплых звука [o], разделяющихся взрывным [z], передающим порывистость, жадность пламени, и заканчивается оно ощупывающим мягким [н].

Вообще, сравнивать слова из разных языков — крайне интересное и плодотворное занятие. Возьмем, к примеру, русское *душа*, немецкое *die Seele* и английское *soul*. Немецкое слово звучит достаточно резко, очень трезво (в основном благодаря звукам [e]), четко и прозрачно, английское намного мягче. Они похожи, их родство видно сразу, но немецкий начальный звонкий [z], который обозначается в немецком буквой S, меняется в английском слове на глухой [s], затем появляется округлый, обнимающий [o], а дальше глубокий [u]. Кроме того, немецкое *Seele*, в отличие от английского *soul*, имеет после [l] продолжение — еще один «трезвый» гласный [e],

что придает ему еще большую пробужденность, даже некоторую резкость.

Русское слово *душа* очень отличается и от английского, и от немецкого. Оно начинается с твердого, крепкого, укорененного [d], за ним следует глубокий [y], далее природный, твердый, шипящий [ʃ], а в конце слово открывается в звуке [a]. Кроме того, очень важно, что ударение, падающее в этом слове на последний слог (*душа* — это ямб, восходящий, возбуждающий ритм, с помощью ямба здесь выражается подвижность) в форме винительного падежа перемещается на первый слог (*душу* — хорей, нисходящий, успокаивающий ритм, то есть в этой форме, в положении прямого объекта действия слово приобретает другое качество, качество покоя).

Любопытно сравнить слова, обозначающие явления природы. Например, русское *молния*, немецкое *der Blitz* и английское *lightning*. Интересно, что в русском *молния* совсем нет резких звуков, а начинается оно, наоборот, с вязкого, тягучего [м] — по всей вероятности, указывающего на происхождение этого явления из первозданной, вязкой, но одновременно и связанной со смертью материнской стихии (хотя в мифологии разных народов гром и молния всегда были принадлежностью мужского божества). Далее еще один странный для слова, обозначающего такое явление, звук — [o] (в некоторых диалектах произносили это слово даже с двумя [o] — *молонья*, хотя надо отметить, что в древнерусском языке здесь был не [o], а [ѣ]: *мѣлния*), вероятно, выражающий всеохватность, объемность этого явления. В текучем, легком [л] отражается быстрота, подвижность молнии, в [н] — моментальность: осветила все на мгновение — и исчезла. В [и] отразилось впечатление о свете молнии, ее яркости, а в последних двух звуках [йа] — резкость и изумление. Кстати, слово *молния* родственно древнеисландским *myln* — огонь и *Мьёльнир* —

название молота бога-громовержца Тора, то есть собственно молнии. *Blitz* — совсем другое звучание. Здесь на первый план выходит как раз резкость, стремительность молнии, а также ее яркость, огромность, выпуклость на темном небе. Английское *lightning* происходит от *light* — свет, и в нем больше легкости, даже некоторой звонкости. Интересно, что звуки [l] и [i] присутствуют во всех трех словах.

Сравним еще русское *гром*, английское *thunder* и немецкое *der Donner*. Заметим, что в слове *гром* опять присутствует природный материнский [м] — на сей раз в конце слова. В начале же — взрывающийся [г] и рокочущий [п], а потом всеобъемлющий [о]. В немецком и английском словах (видно, что они родственники, хотя звуки в немецком и английском очень разные) рокочущий, вибрирующий [r] включает слово, хотя в английском его почти уже и не слышно. Предшествует ему и в том и в другом случае переходно-отстраняющий [e]. Немецкое *Donner*, подобно русскому *гром*, тоже начинается с довольно резкого звука (хотя, конечно, не такого взрывного, как [г]) — твердого, сильного [д]; далее идет тот же всеохватывающий [о] и двойной, тянувшийся, грозно звучащий [nn]. Звук [n] присутствует и в английском слове, но там, соединяясь с [д], он звучит как удар. Зато начало английского слова *thunder* подобно глухому, едва слышному рокоту, ворчанию грома издалека. Итак, еще раз, коротко: в русском слове *гром* резкое начало, потом — рокот [п], охватывающий все [о] и затухание в вязком [м]; немецкое *Donner* начинается также твердо, далее всеобъемлющий [о], гудение двойного [nn] и в конце не менее сильный рокочущий [г]. В английском же начало тихое — ворчание грома издалека, зато потом удар [nd] и все рассыпается в почти не слышном [г].

Гласные и согласные

Итак, даже несколько примеров дают нам возможность почувствовать особенности души народа, проникнуть в ее самые сокровенные глубины. Многое может открыть нам и анализ звукового состава языка. В любом языке есть гласные и согласные звуки — это общий закон. В согласных народ выражает свое восприятие мира, то есть передает форму, действие, процесс и прочее, в гласных — чувства. А количество гласных и согласных в разных языках неодинаково. Обычно число согласных примерно вдвое превышает число гласных. Но бывают языки (и их немало), в которых согласных во много раз больше гласных, — например, в русском 6 гласных звуков (или 5 фонем¹³, *Ы* фонемой не является) и 35 согласных, в армянском 6 гласных и 30 согласных, в грузинском 5 гласных и 28 согласных, в итальянском 7 гласных и 35 согласных. Такие языки называются **консонантическими**. Существуют языки, в которых больше гласных фонем. Так, в эстонском — 27 гласных и 24 согласных, в кхмерском — 30 гласных и 18 согласных, в тайском — 35 гласных и 20 согласных. Такие языки называют **вокалическими**. В некоторых же языках количество гласных и согласных фонем (речь идет о фонемах, а не о буквах) почти одинаково. Например, в немецком 18 согласных и 15 гласных, во французском 17 согласных и 18 гласных и т.д.¹⁴

Конечно, сведения только о количестве гласных и согласных мало что дают для характеристики языка. Главное — то, как они в языке реализуются, в каких пропорциях употребляются.

Интересно не только соотношение гласных и согласных в разных языках, но и качество звуков языка. Существуют самые разнообразные звуки — цокающие, щелкающие, гортанные, свистящие, хрипящие, и наличие их в языке тоже открывает

определенную грань народной души. Возьмем, к примеру, носовые гласные, которые так щедро представлены во французском, португальском и польском. Раньше носовые гласные были и в других славянских языках — в кириллице они изображались буквами @ (юс большой) и # (юс малый), — но теперь во всех славянских языках, кроме польского, эти звуки утрачены.

Носовые гласные развились из носовых согласных, присутствовавших еще в общеиндоевропейском языке. Носовые же согласные — это новые звуки, образовавшиеся из сочетания двух звуков — подобно тому, как образовались в праславянском шипящие. В современных языках носовые согласные есть в английском — например, последний согласный в слове *song* (песня), в немецком — *singen* (петь), во французском — *chanson* (песня). В русском носовые согласные отсутствуют, нечто подобное звучит только в слове *солнце*.

Вероятно, на ранней стадии развития языка носовые согласные выражали некоторую неопределенность звука, туманность, недооформленность. Позже они начинают действовать на свое окружение, связываются с гласными, и гласные тоже становятся носовыми. Но в процессе развития их значение меняется, недооформленность и туманность уходят в прошлое — в современных языках носовые звуки связаны с интеллектуальным элементом. Любопытно отметить, что носовые гласные развились полнее всего именно во французском языке, в то время как почти во всех славянских языках они были утрачены.

Вот еще несколько фактов. Интересно, что в японском языке совсем нет плавного текучего звука [л], а в заимствованных словах с этим звуком его заменяет [р]! А в древнерусском языке (и других славянских языках) изначально не было огненного звука [ф], в заимствованных словах он заменялся звуком [н]:

парус из греческого *φάρυδ*, *Степан* из греческого *Ere[^]avog* и др. Только в XII-XIII веках, после падения редуцированных гласных, в древнерусском языке возник звук [ф] как глухая разновидность фонемы [в], и тогда и в заимствованных словах он стал сохраняться. Зато воздушный звук [у], *г фрикативное*, в русском языке практически полностью утрачен (он сохранялся до последнего времени только в таких словах, как *Бог, Господи*, — и то сейчас уже мало кто так их произносит), тогда как в близкородственном русскому украинском языке он сохранился. И это, пожалуй, связано с тем, что русский, по сравнению с украинским, пошел в некотором смысле по более светскому пути развития. (Что стоило бы принять во внимание русским, зачастую относящимся к украинскому языку с известным высокомерием. Если без предубеждения начать знакомиться с украинским, можно увидеть множество проявлений духовного элемента. Для иллюстрации нашего утверждения приведем лишь один пример. В то время как в русском (вслед за латынью) четвертый падеж получил название *винительного*, в украинском ему было дано куда более подходящее название *знахідний*, от слова *знаходити* — находить.)

Крайне интересно также и то, что в древнерусском языке слова не могли начинаться с гласного [а] (исключая междометия и союз *а*). «В тех случаях, когда эти гласные оказывались исконно в абсолютном начале слова, перед ними развивался согласный звук [ъ]»¹⁵. А все слова, стоящие в современных словарях под буквой *А*, являются заимствованными.

О многом говорит присутствие в русском языке огромного количества шипящих звуков. Но, наверное, самое характерное явление — то, что в русском один и тот же звук имеет два качественно разных варианта — твердый и мягкий (*мол* — *мёл*, *там* — *тянуть*, *лужа* — *любить* и т.д.). Ряды позиционно

меняющихся твердых и мягких согласных возникли еще в праславянском языке, однако там они не были самостоятельными фонемами, и категория твердости-мягкости в полной мере развилась именно в древнерусском языке. И это, конечно же, связано с особенностями русской культуры, выражающейся и оформляющейся в русском языке.

Поэты и звуки

Мы уже говорили, что поэты, благодаря своему дару — особому языковому чутью, — способны проникать в те слои языка, которые обычно скрыты для поверхностного восприятия. И в за-смысловом мире звуков и мелодики языка поэты существуют свободно, используя сознательно или бессознательно звуки в качестве средства художественной выразительности. Самый крайний пример этого — опыты футуристов, желавших совсем освободить слово от оков смысла и выразившихся «языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), заумным»¹⁶. Виртуозно пользовался в своем творчестве этим средством Константин Бальмонт и многие другие поэты. Приведем несколько примеров.

*Еще пышней и бесшабашней
Шумите, осыпайтесь, листья,
И чашу горечи вчерашней
Сегодняшней тоской превысьте.
Привязанность, влечение, прелесть!
Рассеемся в сентябрьском шуме!
Заройся вся в осенний шелест!
Замри, или ополоумей!*

*Ты также сбрасываешь платье,
Как роща сбрасывает листья,
Когда ты падаешь в объятье
В халате с шелковой кистью.*

В отрывке из стихотворения Бориса Пастернака «Осень» повторение шипящих и свистящих звуков создает осеннее, листопадное настроение — и одновременно в них слышится шуршание сбрасываемой одежды, исконная таинственность женской натуры. Следующий отрывок — из стихотворения Арсения Тарковского «Первые свидания».

*Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как Богоявление,
Одни на целом свете.
Ты была смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.*

В данной строфе с третьей строки повторяется звук [л], чаще всего в сочетании с [а] (ла), и эти звуки создают необыкновенно полное ощущение обволакивающей женственности, влажной, мягкой, нежной женской сущности. Недаром глаголы прошедшего времени женского рода в русском языке оканчиваются на -ла. Вспомним в связи с этим еще стихотворение Вячеслава Иванова «Славянская женственность»:

*Как речь славянская лелеет
Усладу жен! Какая мгла
Благоухает, лунность млеет
В медлительном глагольном «ла»!*

*Воздушной лаской покрывала,
Крылатым обаяньем сна
Звучит о женщине она,
Поет о ней: очаровала.*

А теперь стихотворение Иосифа Бродского из цикла «Литовский дивертисмент».

*Бессонница. Часть женщины. Стекло
полно рептилий, рвущихся наружу.
Безумье дня по мозжечку стекло
в затылок, где образовало лужу.
Чуть шевельнись — и ощутит нутро,
как некто в ледяную эту жижу
обмакивает острое перо
и медленно выводит «ненавижу»
по прописи, где каждая крива*

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

КУПИТИ